

Чэн Фэнтай сначала обменялся с Шан Сижуюем тёплым, любовным взглядом, а затем обратил внимание на господина Чу. Увидев его, он был поражён. Заранее зная, что актёры обладают невероятной красотой, от изящной Цзян Мэнпин до великолепного Шан Сижуюя, Терем Водных Облаков был настоящим собранием красавцев, каждый из которых был словно сошёл с картины. Чжоу Сяньюнь явно был юным красавцем. Даже Юй Цин, пришедшая в театр позже, была привлекательна. Однако господин Чу, с его глазами, словно окутанными дымкой, и тонкими, как тушь, чертами лица, излучал печаль и недовольство. Весь его облик был хрупким, как ива, а его бледная кожа и стройная фигура не выдерживали пышных нарядов. В голове Чэн Фэнтая сразу возник образ Линь Дайюй.

Господин Чу был похож на Линь Дайюй внешне и судьбой, но его характер был куда более жёстким. Он пристально смотрел на охранника, хотя в его глазах стояла влага, готовая в любой момент пролиться, что смягчало его суровость и вызывало сочувствие. Прежде чем слёзы успели упасть, он подошёл и дал охраннику пощёчину:

— Чтобы ты не смел болтать!

Охранник, привыкший к его поведению, остался непоколебимым и лишь опустил голову ниже:

— Не смею, господин Чу, пожалуйста, возвращайтесь домой.

Господин Чу, стоя в дверях, засунул руки в рукава, внимательно посмотрел на Чэн Фэнтая и, повернувшись к Шан Сижуюю, с улыбкой сказал:

— У каждого своя судьба, господин Шан, вашу доброту Цюньхуа ценит. Позаботьтесь о себе и не повторите моего пути. Если судьба такова, не всегда удаётся избежать её. — Его тон, обычно мягкий или печальный в разговорах с Шан Сижуюем, стал жёстким и равнодушным, напускная беспечность.

Шан Сижуй проводил его до двери. Пройдя по коридору, господин Чу оглянулся на Шан Сижуюя, и тот кивнул, помахав ему рукой. Дойдя до сцены, он остановился и замер, глядя на неё. Его высокая и стройная фигура, одиноко стоящая за пределами сцены, напоминала неприкаемую душу, тоскующую по былой славе. Он долго стоял в задумчивости, прежде чем наконец ушёл.

Проводив Чу Цюньхуа, Шан Сижуй с возгласом бросился в объятия Чэн Фэнтая, обвинив его шею. Тот, смеясь, с трудом удерживая его, занёс в комнату и закрыл дверь. Трагедия Чу Цюньхуа, ставшего мишенью в золотой клетке и проживающего свои дни впустую, не оставила в их сердцах никакого следа.

— Эр-е, Эр-е! Как мой сегодняшний спектакль?

Чэн Фэнтай поднял его, оторвав от пола:

— Великолепно! Никогда не видел такого! Господин Шан просто великолепен! Солдаты, которых я привёл, ничто по сравнению с тобой! Ты просто красавец!

Шан Сижуй засмеялся, его глаза сверкнули:

— Конечно!

Они продолжали болтать и шутить, обсуждая сплетни о Чу Цюньхуа, пока Чэн Фэнтай помогал Шан Сижую снимать грим. Сняв грим, Шан Сижуй словно лишился части своей энергии, зевнув несколько раз, с глазами, полными слёз. Чэн Фэнтай посмотрел на часы — скоро рассвет. Он рассеянно погладил спину Шан Сижую и с улыбкой заметил:

— О... Господин Чу действительно связан с таким важным человеком? Возможно, он едет в Нанкин, чтобы стать премьер-министром. Тогда господин Чу станет первой леди.

Шан Сижуй, почти засыпая, глупо захихикал. В своей сонливости он был словно ребёнок, полупьяный и полусонный. Чэн Фэнтай, воспользовавшись моментом, мягко спросил:

— Ты ведь тоже мог стать женой командующего Цао, почему ты ушёл?

Шан Сижуй закрыл глаза:

— Чтобы петь. Чтобы оправдать надежды отца в Бэйпине.

— А что сказала третья госпожа?

— Какая третья госпожа?

— Третья дочь командующего Цао!

Шан Сижуй, прерываясь от сонливости, пробормотал:

— Я... пою. Какое это имеет отношение к ней?.. Что она говорила?

Чэн Фэнтай обнял его за плечи, слегка похлопав по щеке, чтобы разбудить:

— Кажется, она тебе нравится?

— Мм... да? Нравится... — Шан Сижуй уже почти спал.

— А ты? Тебе нравится эта девушка?

На этот вопрос ответа не последовало. Шан Сижуй мгновенно заснул, издавая лёгкий храп, его белая сценическая рубашка всё ещё была на нём, прижимаясь к Чэн Фэнтаю.

Тот, улыбнувшись, пощипал его за щеку:

— Ладно, прощаю тебя.

Они так посидели некоторое время, пока дверь не открылась с лёгким скрипом. Актёры уже разошлись, и Сяо Лай наконец освободилась. Увидев их в полумраке, уютно прижавшихся друг к другу без намёка на что-то неприличное, она почувствовала странное чувство, словно ей хотелось заплакать, и замерла на месте.

Была уже глубокая ночь. Слушая дыхание Шан Сижую, Чэн Фэнтай тоже начал клевать носом и, вздохнув, сказал:

— Ничего не будем убирать, пошли домой! — Аккуратно завернув Шан Сижую в своё пальто, он поднял его на руки:

— Не дай бог нашему господину Шану замёрзнуть. Ох, какой же он тяжёлый...

В его руках лежала тысячелетняя история театра, как же она могла быть лёгкой? Снаружи сцена и зал были погружены в темноту. Сяо Лай шла впереди с фонарём. В узком коридоре валялись несколько сценических костюмов, окурков и головных уборов. Чэн Фэнтай шёл с особой осторожностью, бормоча себе под нос:

— Эх, если я упаду, маленький актёр разобьётся вдребезги. — Поэтому он двигался медленно, как старик, каждый шаг давался ему с трудом, словно он нёс Шан Сижую всю свою жизнь, долго и утомительно. В темноте плавающий фонарь перед ним создавал ощущение, будто они находятся во сне, не зная, куда идут.

Сяо Лай, освещая путь фонарём, взглянула на спокойное лицо Чэн Фэнтая. Шан Сижуй, прижавшись к нему, слегка пошевелился.

И снова она почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы.

«Повесть о скрытом драконе» Шан Сижую шла три дня, после чего сезон закрылся перед Новым годом. Однако Бэйпин не смог встретить праздник спокойно. Спектакль вызвал бурю обсуждений, мнения разделились. Что касается актёрской игры, пения и движений, то здесь не было никаких нареканий — Шан Сижуй и Юй Цин могли каждый в одиночку нести целый спектакль, а уж их совместная работа была просто великолепна. Несколько известных мастеров и знатоков, присутствовавших на спектакле, отметили, что Шан Сижуй за последние годы сделал огромный шаг вперёд по сравнению с тем, как он выступал, когда только приехал в Бэйпин. Если бы Нин Цзюлан был здесь, он бы тоже был поражён, радуясь, что его усилия не прошли даром. Особенно выделялся эпизод с танцем с мечом, который стал настоящей изюминкой спектакля, превосходя всех остальных актёров. Никто не ожидал, что за эти годы Шан Сижуй развил такой талант, неизвестно, появился ли он ещё в Пинъяне или был отточен в Бэйпине, но это стало приятным сюрпризом.

В Бэйпине, среди тех, кто любит театр и тех, кто не интересуется им, интерес к Шан Сижую рос вместе с его славой. К этому моменту его репутация достигла небывалых высот, о которых актёры прошлого даже не мечтали. Все говорили о Шан Сижую, о Тереме Водных Облаков, о

многочисленных слухах и сплетнях, которые невозможно было проверить. Любая новость, связанная с Шан Сижуюем, становилась темой для обсуждений. Это напоминало увлечение западных людей кинозвездами. Его поклонники готовы были преклонить колени и поцеловать кончики его туфель. Некоторые вещи, оставленные Шан Сижуюем за кулисами, такие как браслеты и веера, были украдены работниками и проданы за большие деньги. Шан Сижуй был ещё жив, но его жизнь уже обросла множеством вымышленных версий, опубликованных в газетах. После премьеры «Повести о скрытом драконе» на следующий день началась настоящая буря. Те, кто изучал тайны императорского двора, конечно, высказались. Те, кто ругал Шан Сижуюя за его дерзость, тоже не остались в стороне. Одна маленькая газета опубликовала заметку, в которой утверждалось, что Шан Сижуй на самом деле является потомком незаконнорожденного сына императора из спектакля, иначе откуда бы он знал такие подробности? Через несколько дней после публикации появился «осведомлённый источник», заявивший, что «Повесть о скрытом драконе» — это история, рассказанная Нин Цзюланом, и что он сам был тем самым незаконнорожденным сыном, а Шан Сижуй — его потомком. В статье приводились расчёты возрастов и исследование их происхождения. И говорилось, что именно благодаря этой истинной драконьей крови театральный мир достиг небывалого расцвета.

<http://bllate.org/book/15435/1368626>